

Ю . Ш А Т О В
(ВЫЛЕГЖАНИН)

**Иоанн
Бобровский**

I

До революции эта бобровская улица называлась Павловской. Теперь она именуется Комсомольской. Между двумя названиями – целый век, нам вполне понятный и близко знакомый. На ней, под номером 57 и ныне стоит небольшой старинный кирпичный дом. Кладка его не простая; с белыми фрагментами, регулярно подновляемыми мелом. Получилось интересно и даже красиво. Нынче над домом сменили кровлю. Она стала высокой, и дом тоже, как бы вытянулся вверх и постройнел.

Сейчас в нем обитают люди совершенно обычные. Но до девятого июля 2002 года в нем жил человек необычный – старый православный священник.

В теплое время года его довольно часто можно было видеть на улицах Боброва – маленького роста, большешородого, в сильно поношенном пыльнике и светлой широкополой фетровой шляпе. Опираясь на палку, он вышагивал неторопливо, очевидно погруженный в какие-то свои думы.

Но в последние месяцы жизни он уже очень плохо передвигался и почти не выходил из дому. Иногда он просил вывести себя во двор. Он сидел там, также опираясь на свою палку, а плечи его и голову укрывали все тот же пыльник и все та же фетровая шляпа с широкими полями.

Он сидел и думал – вероятно, о той жизни, которую прожил, и она, эта жизнь его – день за днем и год за годом разворачивалась в направлении прошлого и без помех уносила его прочь...

II

Родился он очень давно: в 1914 году; сейчас ему было бы уже более ста лет.

Иногда ему приходилось заполнять обычные в нашей стране анкеты, из которых можно было узнать, что зовут его Петр Алексеевич Алексеенко. А в графе «место рождения» он писал – «Ровеньки Ворошиловградской области». Однако, в Ровеньках после его рождения семья уже не жила: она перебралась в воронежскую Бутурлиновку.

Семья была многодетной, но, несмотря на это, отца мобилизовали в армию: начавшаяся мировая война жестко требовала на свой кровавый пир миллионы русских мужиков – холостых и женатых. Солдату Алексею Алексеенко долго воевать

не пришлось: убили. Семья осталась без отца. Нетрудно представить, что за участь была уготована сиротской семье в условиях войны, беспощадной бедности и голода...

Но зачем нужно было переезжать в Бутурлиновку?

Ведь что интересно: не только семья Алексеенко (или Олексенко – как они чаще писались) съехала с началом войны с насиженного места. Съезжали миллионы семей: так люди спасались от мобилизации, от страшной неизбежности гибели мужчин, так пытались сохранить кормильцев.

Ныне стало общим местом в работах историков писать чуть ли не с восторгом о том, как быстро, в каком удивительном порядке и организованности прошла в России мобилиза-

ция. Можно было подумать, что люди буквально рвались на фронт – под пули и снаряды.

Конечно, это не факт. А вот массовые семейные переезды с началом войны – вот это – факт.

Поэтому семья Олексенко и оказалась в Бутурлиновке.

Петр был самым младшим. После него детей в семье уже не было.

III

Петруша – с раннего детства веру и церковь православную любил, в храмы ходил часто и, конечно, скоро обратил на себя внимание причета. Маленький, сосредоточенный, воспитанный держать энергию в кулаке, – такой тип подростка церкви вполне подходил. Священнослужители стали привлекать мальчика в помощники,

и уже тогда, скорее всего, малыш решил, что будет священником.

До революции это свое стремление Петенька реализовал бы с легкостью. Успешных выпускников церковно-приходских школ и духовных училищ бесплатно принимали и обучали в духовных семинариях. Для церкви это было даже весьма престижно – показывать карьеры высоких церковных иерархов – выходцев из бедных слоев общества.

При Советской же власти ситуация радикальнейшим образом изменилась. Церковно-приходские школы закрыли или превратили в гражданские начальные. Коммунистическая партия объявила, что борьба против религиозного опиума народа – одно из главных направлений государственной политики.

И поэтому человек, решивший посвятить себя религии и церкви, чаще всего регулярного церковного обучения не имел. Он должен был накапливать необходимые знания и нагружать память свою, так сказать, «методом прямого ученичества», исполняя мелкие богослужебные обязанности звонарей, пономарей, дьячков и т.д. И только после того, как таких знаний оказывалось достаточно, способности юношей были налицо, добросовестность сомнений не вызывала, молодого человека рукополагали в дьяконы; он, все таки, вопреки множеству мешающих обстоятельств, начинал путь духовного пастыря. И на том пути ждали его немалые испытания.

IV

Церковный путь после революции (то есть после Октября семнадцатого), прошли (подумать только!) – все братья и сестры Петра, бывшие старше его: Павел, ставший игуменом, Стефан, достигший сана архи-диакона, принявшие монашеский постриг сестры – Матрона и Варвара.

Матрона иночествовала тайно, а Варвара – открыто, не таясь, нареченная в монашестве Варсонофией. Да и брат Василий – тихий и кроткий человек, наверняка, тоже связал бы свою жизнь с православной церковью, если бы не был убит в войне против фашизма, находясь в рядах Красной Армии.

1921 год – год сплошного и страшного несчастья в стране. Голод, голод пришел на нашу землю...

И это только так говорится – **голод в Поволжье**, а ведь он, так или иначе, затронул и поразил всю страну. И в самый разгар этого несчастья умерла мать.

Детей же, в полном смысле слова, церковь спасла.

V

На ноги страна и люди ее вставали с немалыми муками и лишениями. Генеральный курс на индустриализацию привел к тому, что хроническое недоедание стало уделом подавляющего большинства советского народа. В стремлении заработать хоть что-нибудь, чтобы есть посытнее, принести лишний кусок хлеба в дом, хотя кусок этот никогда не оказывался лишним, приводили в массу случаев к тому, что молодежь

прежде всех разумных сроков и возрастов становилась к станкам и верстакам.

Вот и наш герой стал в шестнадцать лет учиться плотничеству, а позже переехал в Азов, где освоил переплетное ремесло, которое превратилось в род его постоянных занятий – чуть ли не до самой глубокой старости.

С особой любовью и старанием Петр приводил в порядок богослужебные книги. И это понятно. Потому что в какие-нибудь государственные или полугосударственные, кооперативные переплетные мастерские обладатели таких книг обращаться не могли. Что там обращаться, если заранее известно, что откажут: продлевать жизнь Псалтири или Евангелия – то есть продлевать существование религиозно-

сти в СССР официальные власти не хотели ни при каких обстоятельствах...

Стала у него накапливаться и собственная библиотека духовной литературы, подобранная с любовью и полным знанием дела.

Приближалось и наступило время, когда религиозный авторитет Петра Олексенко, его знания, дали-таки возможность перейти на церковную жизненную стезю окончательно.

VI

Именно в это время, живя в Азове он, в полном смысле слова, рискуя жизнью, укрыл в своем доме Таганрогского епископа Иосифа, которого активно разыскивали сотрудники НКВД, и который таким образом чудом избежал ареста.

Вообще-то говоря, не следует думать, что в этой сфере тогда господствовал полный произвол. Иногда безжалостная машина террора как бы давала осечку. Вот и искали Иосифа, и хотели арестовать, но в следствии по его делу произошел какой-то поворот, было признано, что епископ невиновен, а обвинения с него – сняты. Конечно, такая метаморфоза могла быть и крючком: обрадуется человек, выйдет на люди, а его – раз-два и за решетку. Такое бывало. Но в данном случае ничего этого не произошло. Епископа не арестовали, а наоборот, – дали возможность спокойно уехать в Таганрог. Он уехал. И забрал с собой спасителя – Петра. И там, – в 1941 году – неясно, когда точно, – то ли до начала войны, то ли до начала германской оккупа-

ции Таганрога, то ли уже во время нее – он по настоянию и рекомендации Иосифа принимает монашеский постриг под именем Иоанна; в 1942 году становится иеродьяконом, а в сорок третьем – иеромонахом.

VII

Вопрос о поведении Русской Православной Церкви и ее деятелей на захваченной гитлеровцами территории в период оккупации – один из самых сложных.

Как известно, гитлеровцы не препятствовали открытию церквей и организации регулярного богослужения.

На практике – духовное окормление паствы, оставшейся под немецким иггом, моральная и религиозная поддержка верующих – эта задача была

куда более важной. Наше священство, религиозный актив, всеми силами поддерживали веру людей в Бога, в то, что конечное торжество справедливости неизбежно, что победа придет, праздник будет и на нашей улице.

И эта, вторая, негласная для оккупантов, линия поведения Русской Православной Церкви в условиях оккупации, оказывалась куда более важной.

Между прочим, когда немцы бежали из Таганрога, они силой увезли с собой епископа Иосифа; так что тот едва успел поручить иеромонаху Иоанну временное управление епархией. Владыка знал, что делал: хотя чин церковный отца Иоанна был и невелик, авторитет его в городе и в округе был значителен. Уже значителен.

VIII

Видимо, эта причина – высокий авторитет отца Иоанна в городе и округе, заставил органы прокуратуры после освобождения Таганрога советскими войсками, заняться отцом Иоанном вплотную.

Занялись. Но что они могли предъявить в качестве обвинения ему – даже сегодня не ясно. То, что церкви при немцах в Таганроге открылись? Так они во многих местах открывались. А не только в Таганроге. Тогда нужно было арестовывать всех священников, которые служили в церквях на оккупированной территории. И действительно, арестовывали. Многих. Многих, но не всех.

Отца Иоанна арестовали.

К слову сказать, этот человек никогда не отличался словоохотли-

востью и очень мало рассказывал о себе. Но об аресте, следствии и неволе – рассказал.

IX

– Начался сентябрь сорок пятого. Детишки в школу пошли. Война кончилась. Чего не радоваться? А вот – тревожно было на душе – и все тут. Отовсюду шли нехорошие слухи об арестах священствующих. И в Ростове, тоже. Ну, думаю, раз в Ростове началось, стало быть, скоро и до Таганрога доберутся...

И точно. Тот день – 11 сентября у меня в голове запечатлелся до мелочей – теперь уже навсегда... Закончилась, значит, утренняя, переоделся я, выхожу из храма – а вот и они, на ступеньках паперти стоят – трое. И хотя не в военном одеты, в цивиль-

ном, такое ощущение было, будто они в форме: костюмчики такие серенькие, галстуки, – все чин по чину. А внизу, у паперти – «эмка» стоит. И шофер о капот облокотился, курит.

Вышел я. Ну они и подходят: «Вы такой то?» «Да» – отвечаю. «Поедете с нами. Тут недалеко. Выясним некоторые формальности». – Ясно, думаю, какие формальности. Арестовывать будете. – Готов, мол. Куда прикажете? – «А вот, – говорят, – машина нас ожидает».

Поехали.

Приехали. Кабинет в полном смысле казенный. Основной запах – табачного дыма и чернил. Очень противно.

Начали они почти вежливо. А уже через час следователь потерял тер-

пение и мне в лицо орал и матом ругался – не дай тебе Боже, как.

В тот день многих взяли, не только меня. Всех моих братьев и сестер загребли подчистую. И поместили арестованных в небольшую комнату, почти подвальную, без окон. Вентиляция – только через дверь. А дверь открывали за весь день всего раз десять – пятнадцать – каждый раз на считанные секунды, чтобы человеку войти или выйти. И все.

Допрашивали по ночам. Сильная настольная лампа в лицо бьет. Следователя не видно. Только слышно. И голос – ленивый, скрипучий, как у разошедшейся двери. Я этот голос на всю жизнь запомнил.

Наши объяснения слушали мало. Для них было все уже ясно: мы – преступники. Но, хотя следствие шло

восемь месяцев, за восемь месяцев они очень мало, что смогли против нас наскрести. И опять вытащили статью «сто шестнадцать пополам». Пятьдесят восьмую, то есть. Пункт десять: «О религиозной агитации». И все.

Били ли меня? Нет, меня не били. А вот брата Стефана покорежили жестоко. Едва позвонки шейные не сломали. Чудом жив остался.

У них ничего против нас не нашлось. Я имею в виду – ничего серьезного. А нам – всем четверым тяжелостатейный обвинительный приговор сварганили – по восемь лет лишения свободы.

Погрузили меня в товарный вагон, всеми ветрами продуваемый. Надпись старая-престарая была на двери; вернее, только ее остатки. Но прочи-

тать можно было: «40 человек или 8 лошадей». Еще с гражданской войны. А нас в том вагоне было не сорок душ, а поболее.

Х

Меня привезли в Тайшет. На тайшетской пересылке три дня продержали. И повезли дальше. В Братск. А Братск тогда был городишко крошечный. Это сейчас он крупный центр промышленный, ГЭС там построили. А тогда – много десять-двенадцать тысяч населения в нем было. А зон натыкано вокруг много. И все почти – лесные, лесоповал. А что такое лесоповал? Лесоповал из здорового человека через полгода доходягу делал. Три раза в день по черпаку баланды и полкило – пайка хлеба. И все. Ели в лесу. Посуду под баланду не давали. Пере-

бивались – кто как мог. Я – так коробок деревянный сделал. Он у меня и для первого, и для прочего был...

И стал я тоже доходить. Еще бы немного такой вот жизни и точно умер бы. Но Бог промыслил. Спасся я. Среди начальства не только звери были, а и люди тоже. Знали, что я столлярному делу обучен. Собрали нас, таких-то, группу, посадили в товарный вагон и опять повезли. А куда – не сказали.

Наконец, поезд пришел на место. А что за место? Батюшки мои! Монголия! Город Сухэ-Батор... Я тут недавно в каком-то справочнике вычитал, что в семидесятые годы Сухэ-Батор насчитывал 15 тысяч населения. А в конце сороковых – и того меньше. Там лагеря фактически не было. И охраны, в общем,

тоже. Жил я в юрте. В ней были нары и настоящая постель – с матрацем и одеялом. В сравнении с Братском и лесоповалом – считай, что курорт. Там я прожил и проработал до пятидесяти третьего года. Меня выпустили почти сразу после смерти Сталина. С сентября сорок шестого по май пятидесяти третьего... Это будет... Как раз мой срок по приговору и будет – восемь лет...

XI

Стало быть, с пятидесяти третьего года отец Иоанн – на свободе. Путь следования из мест лишения свободы – в Воронежскую область. А вот почему он не вернулся в Таганрог, об этом можно было бы узнать только у него самого. А он уже ничего не расскажет...

В епархиальном управлении нарисовали ему нерадостную картину: после войны множество сел, имевших храмы, потеряли священников. За короткий срок он сменил много храмов: и в Репьевке, и в Ближней Полубянке, и в Коршево, и в Березовке...

Нет, он не был «летуном». У него была нелегкая, но благородная в высшей степени, миссия. Приезжая в село, он, своими руками и усилиями верующих делал в храме минимальный ремонт, «запускал» механизм регулярных богослужений. Одновременно он энергично искал того, кто мог бы занять его место, так сказать, на постоянной основе – искал, искал, снова искал, и находил, а найдя – складывал свои вещи и уезжал в другое село – вдыхать в

него и сельский храм, прежде всего, регулярные религиозные процедуры – утрени, обедни, вечерни, крещения, исповеди, причастия, венчания, похороны, словом, все то, что не только знаменует, но и являет собою, в сущности, религиозную жизнь, как таковую. И жил и служил он не только в селах, но и в городах – Богучаре, Бутурлиновке, Боброве...

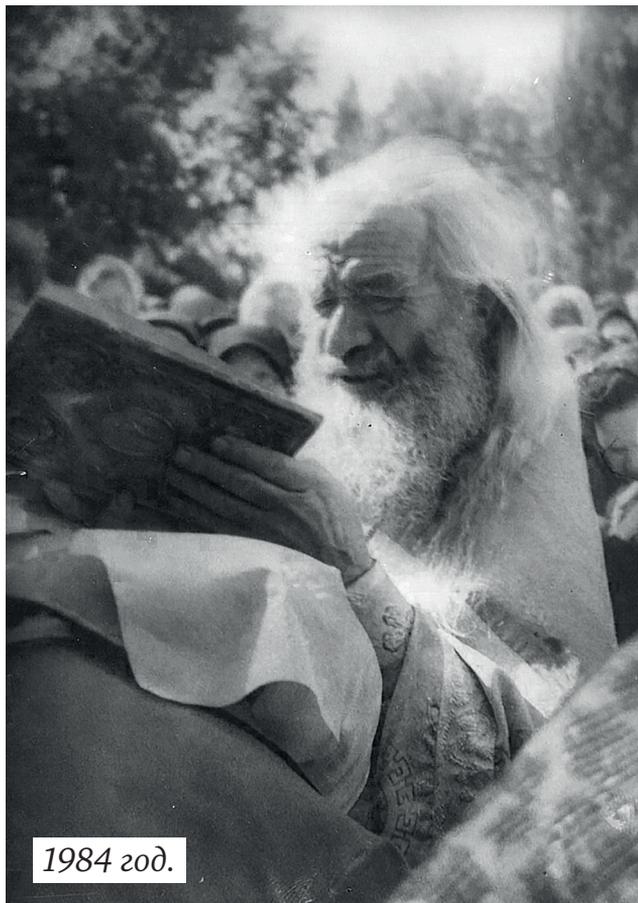
XII

Бобров, куда приехал, в конце концов, отец Иоанн – тихий и зеленый, бывший таким же – и тихим, и зеленым – и сто, и двести лет назад, – не мог ему не понравиться. Быть может, он и сам подумал, впервые пройдясь по его улицам, что здесь-то, после сибирских холодов, баланды и прочих прелестей

неволи, он получит, наконец, отдохновение.

Но оказалось, что это – не совсем так. Оказалось, что и в Боброве – тихом и зеленом, и в округе его – немало еще оснований для активной деятельности, терзаний души и работы во исполнение духовного долга.

Очень скоро – и отсюда, из Боброва, как с некоей базы, он отъезжал – иногда на месяцы, а иногда и поболее, чтобы поднять какой-то храм. Конечно, это всё были поручения епархии, но исполнял он их с высоким рвением и активностью именно потому, что они, эти своеобразные командировки, превратились в осознанный глубоко, религиозный и человеческий долг, в обязанность духа.

1984 год.

28

1986 год.

29

2000 год.

Даже уже ближе к нам, в девяностые годы, когда начался бурный религиозный подъем в нашей стране, и когда вновь ощутилась острая нехватка священников и других исполнителей религиозного процесса, (причем, его регулярная служба в Бобровском храме Успения Пресвятой Богородицы фактически, за возрастом, прекратилась и произошло это в 1985 году), он не оставлял иные храмы и верующих без своей подвижнической богослужебной помощи: служил и в Коршево, и в Хреновом, и в Новой Чигле, и в Бутурлиновке. Эта сторона его бытия была полностью открыта, и в ней он был доступен всем.

А вот о личной жизни отца Иоанна свидетельств осталось очень немного. Скромный был человек.

Скромный и тихий. Некоторым даже могло бы показаться, что он был... скуповат, что ли...

Вот пример: из Хренового, где прослужил три года, он ездил в Бобров не на автобусе, что было бы ему значительно удобнее, а на электричке, потому что это было дешевле. Нет, не в скупости дело. Потому что, когда на что-либо важное – по церковным делам, – денег не хватало, он без раздумий добавлял свои. Лишь бы дело не страдало. Скупость ли это? Вряд ли...

И еще одно важное обстоятельство. По своему положению в церкви он был и оставался монахом, но поскольку, жил, что называется, в миру, и, к тому же, был почти все время очень занят, – не мог обходиться без помощи.

Долгие годы его домашнее хозяйство вела келлейница (поскольку место жительства монаха должно было именоваться кельей, хотя в действительности, жил он не в келье, а в доме), матушка Александра (Панова). Она делила с ним кров и житейские невзгоды; помогала не только тем, что питала пищей телесной; была еще и духовной помощницей – псаломщицей и певчей.

XIII

Любопытно, а у автора этих строк – есть ли какой-то значительный мотив, который, так сказать, подвинул его к описанию жизни отца Иоанна?

Есть, есть – и еще какой!

Дело в том, что он меня... крестил!

Произошло это в пятьдесят пятом или в пятьдесят шестом году.

Учился я тогда в первом или во втором классе – точно не помню, и был мальчиком слабеньким и болезненным. Эта моя слабость и болезненность настолько бросались в глаза, что нашлись знакомые, которые стали настойчиво советовать окрестить меня. Тогда это было, конечно, делом не совсем обычным, сулившим даже неприятности. Поэтому мама некоторое время раздумывала, – но потом согласилась.

И вот однажды, (было это, помню, летом), меня празднично одели, и бабушка моих хороших приятелей – двух братьев-соседей, повела меня за руку куда-то – мне сказали – в Храм Божий. Я был человек исполнительный, привыкший повиноваться и шел безропотно, ничего страшного, впрочем, для себя не ожидая.

Как я сейчас понимаю, бабушка обо всем договорилась заранее.

Церковь была пуста. Было в ней тихо и прохладно.

Явился низенький бородатый человек в странном одеянии. И началась процедура, которую я вынес так же безропотно. Хотя, как вы сами понимаете, – достигнуть эффекта троекратного погружения в цинковую купель девятилетнего мальчика не удалось.

Я был слегка напуган, но, тем не менее, повторил крестное знамение, батюшка одел на меня крестик на желтой ленточке и велел его носить, не снимая ни днем, ни ночью.

Но крестик скоро все-таки перекочевал в шкатулку и долго там хранился, а потом исчез...

И честное слово даю, – дорого бы я сейчас дал, чтобы этот крестик на

желтой ленточке нашелся; с каким трепетом и радостью его носил!..

Я много раз потом встречал своего «крестителя»; а когда мне сказали, что это отец Иоанн, я, уже кое-что в православии знавший, в сильнейшей степени аналогией возгордился, хотя особой религиозной нужды долгое время не испытывал: закончил школу, университет и довольно легкомысленно полагал, что смогу обойтись без Бога, что я, подобно астроному Лапласу «не нуждаюсь в этой гипотезе».

Но я ошибался. Как же я ошибался! И, слава Богу, что теперь прочно ношу христианское знание в себе и вера моя православная день ото дня становится все прочнее.

XIV

На последнем отрезке жизни, когда отец Иоанн очень ослаб и не мог уже посещать храм, он устроил из своего жилища на Комсомольской улице некую религиозную обитель. Для него это было вполне знакомым, даже привычным делом.

В молодости, во время трапезы в кругу ему близких людей часто читали по очереди Четьи Минеи Святителя Дмитрия Ростовского, которое еще называют «дневное Житие».

И теперь, ставши уже глубоким стариком, он создал...

... Невозможно так вот, сразу, сказать, что .

Церковь? Храм? Наверное, чуть-чуть похоже. Чтение Евангелий? И на это тоже похоже.

И люди, которые проходили мимо окон дома отца Иоанна слышали и пение, и замечали на стеклах блики, которые бывают обычно от зажженных внутри дома восковых свечей. Во всяком случае, – и это наверняка так, – такое устройство жизни помогало отцу Иоанну переносить болезнь. И людям помогало. Тем, которые приходили к отцу Иоанну – проведать его. И они тоже с радостью становились участниками действия.

Может быть поэтому, отец Иоанн в то время был постоянно спокоен и умиротворен; безо всякой боязни и волнения ожидал завершения своего земного пути. Даже гроб заготовил заранее. Он в полном сознании накануне смерти исповедался и приобщился Святых Тайн

– как он говорил – «собрался ко Господу».

И умер – тихо и незаметно – как уснул. Произошло это 9 июля 2002 года.

XV

Кончина видного отовсюду подвижника веры, каким был отец Иоанн Бобровский, (так его тоже нередко называли еще при жизни) – заметное событие. Поэтому о смерти сообщили в Воронеж.

Еще при жизни отец Иоанн был облачен в Великую Схиму, которой он сподобился по благословению тогдашнего митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия. По церковному правилу он получил и новое звание – схиархимандрита, и новое имя – Иоасаф.

Отпевали отца Иоасафа в Бобровском храме Успения Пресвятой Богородицы, а чин отпевания совершили – опять-таки Мефодий и двенадцать священнослужителей Воронежской епархии.

Гроб с его телом от Алтаря церкви до могилы несли на руках траурно одетые священнослужители во главе с митрополитом.

Он похоронен на территории Успенского храма, которому отдал более тридцати лет жизни и служения.

XVI

Подвижник веры Христовой умер. Но и после своей кончины он продолжает оказывать молитвенную помощь и поддержку тем, кто «с верою к нему притекает».

Простой крест. Простая могильная плита с лаконичной надписью. Неугасимая Лампада...

Здесь он и покоится – Петр Олексенко, ставший отцом Иоанном и схиархимандритом Иоасафом.

Послушница, матушка Александра, келейница его, пережила отца Иоасафа на два года. И похоронили ее рядом с ним. Исполнили ее просьбу.

* * *

Тихо на кладбище. Здесь, если и разговаривают, то негромко. Не принято беспокоить вечный сон мертвых.

Телом он среди них.

Но душа его, несомненно, в раю.

Но вот вопрос. Вспоминает ли она о земной жизни своей?

Думаю, вспоминает, конечно. Хотя она была у него совсем не сахар.

Но без его земной жизни не был бы он в Царствии Небесном.

Май 2016 года

*При написании использованы материалы
архива Бобровского Храма
Успения Пресвятой Богородицы*

Подписано в печать 06.06.2016 г. Формат 60x84^{1/32}

Печать трафаретная. Гарнитура Charter.

Заказ 179. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «ЭСКО».

394018, г. Воронеж, ул. Пушкинская 45, оф. 3

тел.: (473) 256-02-68

e-mail: esko2009@yandex.ru